

Некоторые вопросы оценки доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь

В.В. Конин¹, Е.В. Марковичева², И.И. Эсмантович³

В статье рассматриваются нормативные подходы законодателя и правоприменителя к оценке доказательств в уголовном процессе Российской Федерации и Республики Беларусь. Авторами, с использованием метода сравнительного анализа, рассматриваются отдельные законодательные и правоприменительные проблемы оценки доказательств в российском и белорусском уголовном процессе и позитивно оценивается ряд уголовно-процессуальных норм, регулирующих уголовное судопроизводство в Республике Беларусь.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, доказывание, доказательства, допустимость доказательств, оценка доказательств.

The article discusses the normative approaches of the legislator and law enforcement officer to the assessment of evidence in the criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The authors, using the method of comparative analysis, consider certain legislative and law enforcement problems of evaluating evidence in Russian and Belarusian criminal proceedings, and positively assess a number of criminal procedural norms regulating criminal proceedings in the Republic of Belarus.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal procedure, proof, evidence, admissibility of evidence, evaluation of evidence.

Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой особый вид познавательной деятельности, в значительной степени определяющий специфику уголовного судопроизводства. Процесс доказывания в различных уголовно-процессуальных стадиях и производствах характеризуется рядом особенностей, связанных с теми или иными стандартами доказывания.

Хотя правовое регулирование доказывания в рамках производства по уголовному делу является необходимой предпосылкой безошибочной правоприменительной деятельности, в силу определенных правовых традиций целый ряд вопросов в современном российском уголовном процессе урегулирован с недостаточной степенью детализации и конкретизации. Отметим, что при этом многие вопросы доказательственного права получили продуктивную разработку в теории уголовно-процессуального права. Но разработанные доктринальные подходы не всегда учитываются субъектами законодательных инициатив и законодательной деятельности. По этой причине значимым видится исследование некоторых подходов, сложившихся и получивших нормативное закрепление применительно к уголовно-процессуальному доказыванию в Республике Беларусь.

Понимая объемность проблематики доказывания, авторы данной статьи считают необходимым остановиться лишь на некоторых аспектах оценки уголовно-процессуальных доказательств, поскольку данные вопросы имеют особое значение как для обеспечения прав участников процесса, так и для отправления правосудия по уголовным делам в целом. Отметим, что в компаративистском контексте эти вопросы исследовались чаще при раскрытии различий в подходах к доказыванию в системах континентального и общего права [1].

В российском уголовном процессе деятельность, направленная на оценку доказательств, опирается на общую систему конституционных и уголовно-процессуальных принципов, в первую очередь, на положения ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2], закрепляющие свободу оценки доказательств. Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на значимость данного принципа для правоприменительной деятельности, поскольку «часть первая статьи 17 УПК Российской Федерации, предписывая осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих произвольную оценку доказательств. Напротив, в ней в качестве принципа такой оценки закрепляется адресованное судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю требование не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие необоснованных решений» [3]. Реализация данного принципа в уголовном судопроизводстве

позволяет органично связывать иные принципы и обеспечивать как публичные, так и частные правовые интересы, одновременно выступая важнейшей правовой гарантией прав участник уголовного судопроизводства. Сама по себе такая конструкция предполагает определенные правовые разрешения и правовые запреты, в частности, связанные с реализацией полномочий должностных лиц, допустимостью тех или иных доказательств, исключением постановления необоснованных и незаконных судебных решений [4].

Системный анализ норм, закрепленных в ст. 17 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), позволяет дать следующую характеристику легальному подходу к оценке доказательств в уголовном процессе современной России.

Во-первых, нельзя не обратить внимание на конструкцию и содержание именно ст. 17 УПК РФ, как раскрывающей значение и сущность уголовно-процессуального принципа свободы оценки доказательств. Первая часть статьи раскрывает содержание данного принципа, а вторая закрепляет императивный запрет на предустановленность юридической силы какого-либо доказательства. Примечательно, что в содержание принципа российский законодатель включил две группы элементов: 1) субъектов, наделенных правом оценки доказательств и 2) собственно правила оценки. Обратим внимание и на то, что круг субъектов, указанных в ч. 1 ст. 17 УПК РФ не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию. Например, упоминание в тексте статьи именно «судьи» не исключает применения данного принципа к случаям не единоличного, а коллегиального рассмотрения судов уголовных дел. Поскольку анализируемые нормы отнесены законодателем к числу уголовно-процессуальных принципов, логично предположить их применимость в подавляющем большинстве стадий уголовного судопроизводства: от стадии возбуждения уголовного дела до производства в судах проверочных инстанций. Справедливости ради, отметим, что детализация данного принципа применительно к различным стадиям и производствам носит скорее диспропорциональный характер, в связи с чем очень много вопросов возникает относительно доказывания в стадии возбуждения уголовного дела [5].

Что же касается правил оценки доказательств, то здесь закрепляются не собственно правовые, а скорее нравственно-правовые критерии оценки, которые и должны образовать базовый стержень стандартов доказывания. Хотя данная идея и вызывает споры и неприятие сторонников восприятия уголовно-процессуального закона с точки зрения сугубо утилитарных и технологических подходов, но не вдаваясь здесь в такую дискуссию, лишь отметим, что сложно не согласиться с теми исследователями, которые считают, «что мерило современного уровня правосознания и правоприменения в обществе – это нравственность. Многогранная деятельность следователя, прокурора и судьи, регулируемая нормами уголовно-процессуального законодательства, в то же время не может не опираться на нормы и требования нравственности, сформировавшиеся в обществе на основе представлений о справедливости и порядочности, о добре и зле. Для уголовного судопроизводства формирование законодательства и правоприменительной практики на основе норм нравственности и морали имеет особое значение в силу того, что данный вид государственной деятельности связан с вторжением в личную жизнь граждан, применением мер принуждения, возможностью ограничения конституционных прав и свобод личности» [6, с. 573].

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь принципиальные подходы к оценке доказательств получили легальное закрепление в двух взаимосвязанных статьях: ст. 18 «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела» и ст. 19 «Оценка доказательств по внутреннему убеждению». Их положения взаимосвязаны и заслуживают внимания, поскольку оценка доказательств должна быть проведена надлежащими субъектами уголовно-процессуальной деятельности не просто на основе внутреннего убеждения, и именно на основе того внутреннего убеждения, которое должно быть основано «на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности». Таким образом, в рамках такой конструкции удалось органично увязать нравственно-правовую составляющую оценки, связанную с уровнем правосознания субъекта, наличием или отсутствием его профессиональных деформаций и других факторов, и собственно юридический компонент, обеспечивающий обоснованность и законность процессуальных решений, так или иначе связанных с доказыванием. Российское уголовно-процессуальное законодательство утратило в процессе своей эволюции аналогичные требования применительно к доказательственной деятельности, как не вписывающиеся в новую нормативную конструкцию, так как «разработчики УПК рассматривали требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как антагонистическое

по отношению к принципам состязательности сторон и презумпции невиновности» [7, с. 19]. В науке уголовно-процессуального права вокруг этого вопроса идет перманентная дискуссия, которая, однако, не приводит к каким-то изменениям в нормативном регулировании.

Уголовно-процессуальная оценка доказательств подразумевает установление как параметров такой оценки, так и черт, позволяющих правоприменителю успешно дифференцировать собственно доказательства от иных источников информации, которые могут быть отнесены к доказательствам при соблюдении ряда условий и с существенными оговорками. То есть для правоприменителя важно найти ответ на два вопроса: 1) по каким правилам оценивать доказательства; 2) что отвечает критерию «доказательство». Российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет легальный перечень источников доказательств. С практической точки зрения важным является то, что в него не вошли те результаты оперативно-розыскной деятельности, которые не прошли соответствующую уголовно-процессуальную легализацию. К сожалению, практика судов проверочных инстанций свидетельствует, что такой алгоритм бывает достаточно сложным для правоприменителя [8].

В то же время ч. 1 ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [9] определяет, что «доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела». Более широким является и перечень источников доказательств, в качестве которых указаны «показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, в том числе их звуко- и видеозапись; заключения эксперта; вещественные доказательства; протоколы следственных действий, звуко- или видеозаписи хода судебных заседаний, протоколы судебных заседаний, материалы оперативно-розыскной деятельности, иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом».

Таким образом, можно говорить о достаточно важном отличии современного уголовного процесса Республики Беларусь от российского: об отнесении к доказательствам материалов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ устанавливает достаточно жесткий запрет на использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают ряду требований, предъявляемых к уголовно-процессуальным доказательствам. В правоприменительной деятельности весьма актуальными являются вопросы проверяемости и подтверждаемости результатов оперативно-розыскной деятельности. Проверяемость и подтверждаемость информации, полученной в результате оперативно-розыскных мероприятий, могут быть существенно затруднены, так как нередко легализовать информацию, имеющую значение для расследования уголовного дела без раскрытия источника не возможно, а источник раскрывать нельзя, поскольку это может повлечь за собой иные значимые негативные последствия. В таких ситуациях информация, порученная оперативно-розыскным путем, приобретает характер не доказательственной, а лишь ориентирующей. При этом не исключено, что информация, полученная в результате производства оперативно-розыскных мероприятий, будет иметь значение не для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, а для установления данных, имеющих значение для дальнейшего расследования уголовного дела.

В этой связи позиция белорусского законодателя заслуживает дополнительного изучения и осмысления. Но, отметим и то, что в процессе естественной эволюции современного российского уголовно-процессуального законодательства, произошла естественная трансформация тех действий, которые ранее носили исключительно характер оперативно-розыскных в следственные. Например, это в полной мере относится к таким следственным действиям как контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ) или получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). В любом случае, такие действия в российском уголовном процессе существенно ограничивают конституционные права и могут быть проведены с обязательным соблюдением требования судебного санкционирования, тогда как ст. 214 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь предусматривает производство не судебного, а ведомственного контроля. Отметим и то, что в Республике Беларусь применение данного следственного действия ограничивается и материально-правовыми основаниями, – тяжестью преступления, что позволяет проводить его исключительно по тяжким и особо тяжким преступлениям, в то время как российское законодательство позволяет производить контроль и запись переговоров по преступлениям средней тяжести.

Российский правоприменитель пытается в ряде случаев решить задачу легализации результатов оперативно-розыскной деятельности через такой источник доказательств, как «иные документы». Например, информация, полученная при контроле и записи переговоров, если она имеет отношение к расследуемому уголовному делу, может быть легализована в качестве иного документа. Однако получение, исследование и оценка такого доказательства должны отвечать общим правилам доказательственной деятельности. В этом аспекте заслуживает внимания и конструкция белорусского уголовно-процессуального закона, не допускающая превращения категории «иные документы» в излишне гуттаперчевую.

Вопрос оценки доказательств – это всегда вопрос критериев оценки. Статья 105 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь достаточно детально определяет те критерии, которым должны отвечать доказательства, и предпринимает продуктивную попытку описания данных критериев. В российском уголовном процессе, по свидетельству ряда исследователей, произошло онтологическое сращивание таких критериев, как «допустимость» и «достоверность», если не на уровне законодательства, то на уровне правоприменения [10].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что изучение особенностей нормативного регулирования процессуальной деятельности по оценке уголовно-процессуальных доказательств является значимым и для развития российского уголовного процесса, и для обсуждения перспективных направлений развития доказательственного права.

Литература

1. Николаева, Т. Г. Допустимость доказательств в зарубежном уголовном процессе / Т. Г. Николаева, С. Д. Шестакова, С. А. Роганов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2 (54). – С. 103–108.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шевякова Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
4. Вилкова, Т. Ю. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве : правовые основы, содержание, гарантии / Т. Ю. Вилкова // Право и политика. – 2015. – № 7. – С. 1008–1020.
5. Конин, В. В. Тактико-криминалистическое обеспечение предварительной проверки заявлений и сообщений в рамках стадии возбуждения уголовного дела / В. В. Конин, Е. В. Марьина // Криминалистика : вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (14). – С. 116–130.
6. Манова, Н. С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н. С. Манова, М. А. Баранова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 45. – С. 564–593.
7. Романов, С. В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования / С. В. Романов // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. – 2008. – № 1. – С. 18–37.
8. Качалова, О. В. Рапорт об обнаружении признаков преступления не является доказательством виновности / О. В. Качалова // Уголовный процесс. – 2021. – № 5 (197). – С. 8.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г., № 295-З. (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://etalonline.by/document/?regnum=НК9900295>. – Дата доступа : 10.06.2022.
10. Капустина, Л. К. Оценка допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве / Л. К. Капустина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 1 (85). – С. 113–118.

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

²Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

³Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины